

DOI 10.35775/PSI.2025.71.6.022

УДК 32.327

Н.Р. БЫКОВ

аспирант Московского государственного
лингвистического университета,
Россия, г. Москва
E-mail: nikbyckov9@gmail.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС ТАЙВАНЯ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

В статье анализируется геополитический статус Тайваня – де-факто независимого образования с признаками государственности, но без формального международного признания. В данной статье автор подчеркивает важность двух ключевых факторов: трансформации политической идентичности населения и развития высокотехнологической экономики, представленной компанией Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC). Проводимые исследования – опросы общественного мнения и анализ экономических показателей – говорят о том, каким образом трансформировался образ тайваньской самоидентификации. Так, например, тайваньцы все больше отождествляют себя как самостоятельную нацию, что отражается в поддержке партий, выступающих за суверенитет. В то же время TSMC усиливает экономическую значимость Тайваня на международной арене, делая остров критически важным для глобальных цепочек поставок. Таким образом, автор подчеркивает взаимозависимость политической и экономической устойчивости Тайваня в условиях международной неопределенности.

Ключевые слова: ДПП, геополитический статус, TSMC, суверенитет, логистика, статус-кво, давление, ООН, цепочки поставок.

Вопрос о геополитическом статусе Тайваня занимает особое место в системе современных международных отношений. Остров де-факто обладает всеми признаками государственности – собственной территорией, народом, стабильными органами власти и внешнеполитической деятельностью. Однако на уровне международного права Тайвань по-прежнему остается частично признанным образованием, не имеющим членства в ООН и подвергающимся постоянному дипломатическому и военному давлению со стороны Китайской Народной Республики. Несмотря на это, Тайвань продолжает укреплять свою роль как в региональных, так и в глобальных процессах, что требует всестороннего анализа факторов, определяющих его устойчивость и субъектность на международной арене.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

Однако проблему геополитического статуса Тайваня в контексте его политической и экономической устойчивости нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Современные исследования геополитики обращают все большее внимание на роль нефизических факторов в обеспечении влияния и устойчивости государств. В случае Тайваня особую значимость приобретают два направления: трансформация внутренней политической идентичности населения и становление высокотехнологичной экономики, во многом сконцентрированной вокруг компании Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC). Эти два аспекта – политико-идентификационный и экономико-технологический – формируют фундамент, на котором строится геополитическое присутствие острова. В отсутствие формального международного признания Тайвань демонстрирует устойчивую и в значительной степени автономную внешнюю политику, что возможно только при наличии опоры на внутреннюю консолидацию и экономическую значимость.

Политическая самоидентификация населения Тайваня претерпела значительную трансформацию начиная с конца XX века. Если ранее тайваньцы воспринимали себя в первую очередь как часть китайской нации, то с 1990-х годов нарастают процессы «десинификации» – перехода к восприятию себя как самостоятельной политической и культурной общности. Этому способствовали как демократизация политической системы, так и усиление локального самоуправления, развитие гражданского общества, а также негативное отношение к авторитарной модели КНР. Согласно результатам многолетних социологических исследований, доля граждан, идентифицирующих себя как исключительно тайваньцы, стабильно растет и превышает 60% в последние годы [1]. Этот тренд имеет не только социологическое, но и важное политическое значение, так как коррелирует с ростом электоральной поддержки партий, выступающих за сохранение или укрепление суверенитета острова – в частности, Демократической прогрессивной партии.

Параллельно с трансформацией политической идентичности происходил экономический взлет Тайваня, в особенности в сфере высоких технологий. Главным драйвером стал сектор микроэлектроники, в котором доминирует компания TSMC. Благодаря передовому производству полупроводников, включая новейшие 3-нм и 5-нм технологии, Тайвань занял ключевое место в глобальных цепочках поставок. Выручка TSMC составляет около 9% ВВП страны, а сама компания обеспечивает почти 90% мирового производства самых передовых чипов. В условиях глобального дефицита полупроводников, цифровизации и милитаризации экономики Тайвань стал незаменимым звеном мировой технологической системы, что придает ему стратегическую важность на фоне геополитического соперничества между КНР и странами Запада.

Для понимания положения Тайваня в международной системе необходимо обратиться к самому понятию геополитического статуса. Это концепт,

позволяющий за пределами юридического признания оценить реальную роль субъекта в мировой политике. Тайвань, обладая всеми признаками государственности, остается в подвешенном положении с точки зрения международного права. Однако его фактическое влияние – как политическое, так и экономическое – требует более глубокого анализа. Прежде чем перейти к конкретным аспектам тайваньского кейса, важно определить, что включает в себя геополитический статус, каковы его уровни и переменные, а также каким образом он может меняться в современных условиях.

Геополитический статус – это совокупная характеристика положения государства или территории в международной системе, основанная на сочетании его географического положения, политико-правового статуса, экономического потенциала, военной мощи, уровня международного признания и способности оказывать влияние на глобальные и региональные процессы. Это понятие находится на пересечении геополитики, международных отношений и стратегического анализа.

Геополитический статус отличается от понятий «статус-кво» или «международный правовой статус» тем, что включает не только юридически зафиксированные признаки (например, членство в ООН или признание суверенитета), но и **фактическое влияние**, оказываемое страной или территорией на других акторов мировой политики – будь то через политические, экономические или военные инструменты.

В контексте анализа геополитического статуса государства можно выделить несколько ключевых групп факторов.

Базовые (первичные) параметры – это те характеристики, которые определяются объективными природно-географическими условиями и практически не поддаются изменению. К ним относятся географическое положение, площадь территории, особенности климата, наличие природных ресурсов, численность и плотность населения. Эти факторы формируют исходные условия для включения территории в международные политико-экономические процессы.

Динамические (вторичные) параметры – это характеристики, которые зависят от внутренней политики, уровня управления и стратегического выбора государства. Сюда относятся политическая система, оборонный потенциал, экономическая структура и способность государства реализовывать внешнеполитические и геополитические инициативы.

С точки зрения взаимодействия с другими субъектами мировой политики, различают **внутренние** и **внешние** параметры.

Внутренние параметры охватывают такие аспекты, как политическая стабильность, эффективность институтов власти, уровень экономического и научно-технического развития, а также культурные особенности общества.

Внешние параметры включают направленность внешнеэкономической деятельности, степень участия в международных организациях и союзах, а также количественный и качественный состав вооруженных сил [3. С. 16].

В данной статье автор рассматривает более подробно именно внутренние динамические параметры геополитического статуса, поскольку именно они в наибольшей степени определяют его фактическую субъектность. В условиях отсутствия международного признания ключевыми становятся политическая идентичность, устойчивость институтов, уровень экономического и технологического развития. Тайвань демонстрирует, что стратегическая автономия может быть обеспечена не за счет формального статуса, а благодаря внутренней консолидации и способности реализовывать эффективную политико-экономическую стратегию.

Тайвань обладает большинством параметров полноценного государства: собственной территорией, населением, эффективно функционирующим правительством, экономической системой и внешнеполитической активностью. Однако **его международное признание ограничено**, что ставит под вопрос его формальный статус как субъекта международного права.

Несмотря на это, Тайвань демонстрирует все признаки **фактической геополитической субъектности**, которая зиждется на двух столпах: политической идентичности и экономической мощи. С одной стороны, на острове происходит глубокая политико-культурная трансформация – население все больше самоидентифицируется как «тайваньцы», что выражается в электоральной поддержке партий, отстаивающих суверенитет. С другой – Тайвань контролирует критически важную отрасль глобальной экономики: производство полупроводников (TSMC), что делает его стратегически важным для США, Японии, ЕС и даже Китая.

Отношения Тайваня с материковым Китаем остаются одним из наиболее спорных и значимых вопросов в международной политике [18]. Эволюция отношения населения Тайваня к вопросу объединения с Китаем или провозглашения независимости играет ключевую роль в формировании его внутренней политики и геополитической позиции. В зависимости от политической ситуации и внешних факторов – международного давления, внутренних реформ, событий в регионе – отношение граждан Тайваня к своему статусу может значительно колебаться.

Анализ данных опросов общественного мнения, в частности графика изменения отношения населения Тайваня к ключевому геополитическому вопросу (независимость vs. объединение), показывает устойчивый тренд. Поддержка немедленного объединения с Китаем (категория «Unification as soon as possible») постепенно снижалась с 1990-х годов по 2024 год (Рисунок 1). Это указывает на снижение влияния идеи политической интеграции с материковым Китаем. Напротив, доля сторонников немедленной независимости Тайваня («Independence as soon as possible») растет, отражая рост национальной самоидентификации, а также политической поляризации на фоне растущего давления со стороны Пекина.

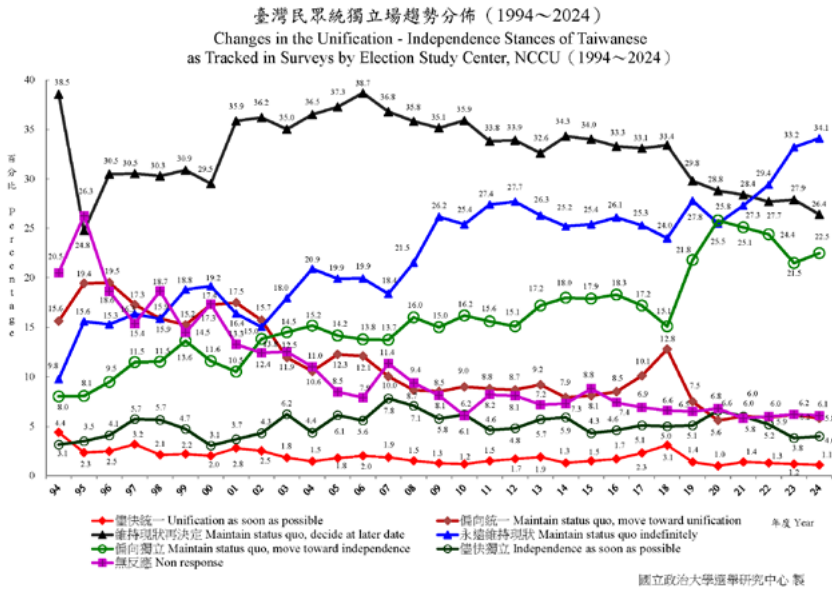


Рис. 1. Changes in the Unification - Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by Election Study Center, NCCU (1994-2024)

Источник: Election Study Center, National Chengchi University.

Наиболее стабильным остается сегмент населения, выступающий за сохранение статус-кво – без немедленных решений в пользу объединения или независимости. Это свидетельствует о доминирующем в обществе настроении, ориентированном на сдержанность и гибкость. Статус-кво рассматривается многими гражданами как оптимальный выбор, позволяющий избежать радикальных потрясений и сохранить пространство для маневров.

График изменений в самоидентификации тайваньцев (1992-2024) показывает четкую тенденцию: резкий рост числа тех, кто считает себя исключительно тайваньцами, при одновременном снижении числа идентифицирующих себя как китайцев или как и тайваньцев, и китайцев одновременно (Рисунок 2). В 1992 году только 17% населения идентифицировали себя исключительно как тайваньцы, тогда как к 2024 году этот показатель превышает 60%. Одновременно с этим, количество людей, считающих себя китайцами, сократилось более чем вдвое. Эти сдвиги иллюстрируют глубокие изменения в политическом сознании населения Тайваня.

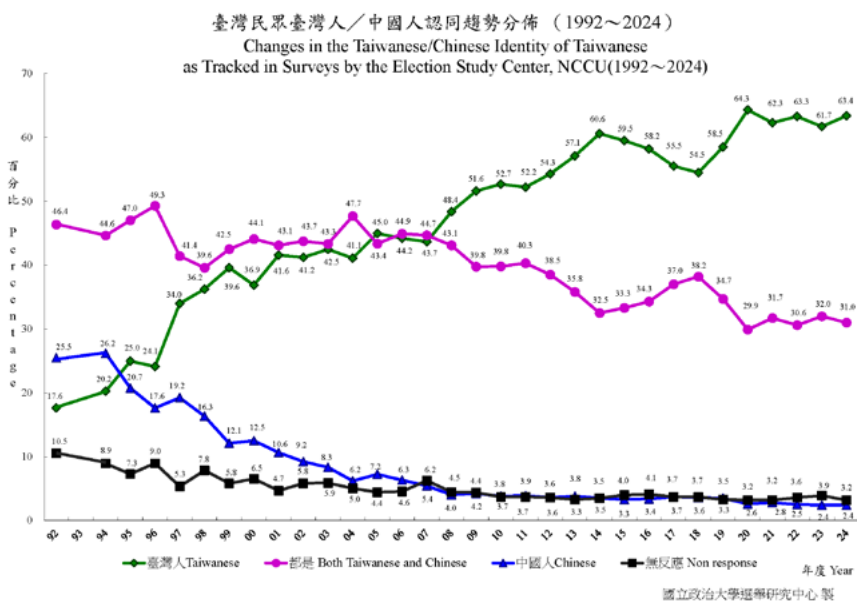


Рис. 2. Changes in the Taiwanese/Chinese Identity of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU(1992 ~ 2024)

Источник: Election Study Center, National Chengchi University.

Политические процессы последних десятилетий лишь усилили этот тренд. Во времена президентства Чена Шуйбяня (2000-2008) тайваньская идентичность укрепилась: правительство продвигало идеи десиницификации, переименования государственных учреждений, акцентирования местного культурного наследия. Администрация Ма Инцзю (2008-2016) пыталась сблизиться с Китаем через экономические связи, что вызвало рост смешанной идентичности, но в долгосрочной перспективе не изменило общее направление. Президентство Цай Инвэнь (с 2016 года) снова активизировало процесс самоидентификации тайваньцев, особенно в условиях давления со стороны Китая и в свете событий в Гонконге.

Протесты в Гонконге 2019 года, реакция Китая на движение за автономию и введение закона об экстрадиции сыграли ключевую роль в усилении антикитайских настроений на Тайване [16. Р. 17-35]. Все больше граждан стали рассматривать китайскую модель как угрожающую для демократического устройства Тайваня. Это сыграло существенную роль в победе Цай Инвэнь на президентских выборах 2020 года.

Социальные протесты на Тайване, включая движение подсолнухов 2014 года, показали активную позицию молодого поколения, которое не готово мириться с ориентацией на Пекин. Молодежь, как правило, выражает наиболее последовательную поддержку идеям демократии, прав человека и суверенитета. Это

поколение стало главной электоральной опорой Демократической прогрессивной партии (ДПП), которая с 2016 года занимает устойчивое место у власти.

Политические партии Тайваня, прежде всего ДПП и Китайская национальная партия (КНП), отражают внутреннюю политическую поляризацию по вопросу идентичности и отношения к Китаю. ДПП выступает за независимость, укрепление демократии и дистанцирование от материкового Китая. КНП, в свою очередь, склонна к улучшению связей с Пекином и ориентирована на экономическую стабильность, пусть и ценой политических уступок. Однако с каждым электоральным циклом позиции КНП ослабевают, что коррелирует с ростом тайваньской идентичности и недоверием к китайской политической модели [14].

Интересен также феномен сохранения значительной доли населения, придерживающейся умеренной позиции – сохранения статус-кво. Эта группа часто рассматривается как стратегический электорат, обеспечивающий политическую стабильность и сдерживающий радикальные сценарии. Поддержка этой группы обеспечивает ДПП возможность проводить умеренную внешнюю политику, балансируя между поддержкой независимости и необходимостью избежать военного конфликта с КНР [25].

Влияние международных акторов также усиливает самоидентификацию тайваньцев. Поддержка со стороны США, Японии и ЕС воспринимается как легитимация существующего политического курса. Одновременно с этим Китай усиливает давление на Тайвань, применяя как военные, так и экономические инструменты. В ответ на заявления Си Цзиньпина о «мирном объединении» и предложении модели «Один Китай – две системы», руководство Тайваня демонстрирует жесткую риторику и отказ от уступок [22. Р. 24–26].

Таким образом, трансформация политической идентичности населения Тайваня, подкреплённая опытом последних десятилетий, стала ключевым фактором формирования его геополитического статуса. Она не только определяет внутреннюю политическую повестку, но и задает параметры внешней политики, выстраиваемой вокруг идеи де-факто независимости и демократического выбора. Эволюция идентичности оказывает влияние на партийную систему, электоральные предпочтения, характер международного взаимодействия и уровень сопротивляемости внешнему давлению [19]. В совокупности с экономической мощью, политическая самоидентификация становится одним из двух столпов геополитического присутствия Тайваня в современной международной системе.

Политическая трансформация Тайваня, выражающаяся в укреплении национальной идентичности и демократических институтов, создала основу для формирования устойчивой внутренней субъектности. Однако без надежной экономической базы политическая воля была бы недостаточной для поддержания стратегической автономии. Именно в экономической сфере Тайвань добился наибольшего признания и влияния, став критически важным звеном в глобальных цепочках поставок. Для всестороннего понимания его геополитического статуса необходимо перейти к анализу экономических факторов,

определяющих значимость острова на мировой арене и дополняющих его политическую устойчивость.

Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC) – первая в мире компания, сосредоточившаяся на производстве интегральных схем в формате OEM. Ее появление стало переломным моментом в истории полупроводниковой промышленности. Благодаря разделению функций разработки и производства чипов, TSMC заложила новую отраслевую модель, которая позволила резко повысить эффективность и снизить входные барьеры для проектировщиков.

Влияние TSMC на экономику Тайваня колоссально. По данным за 2022 год, ее выручка составила 75,88 млрд долларов, что эквивалентно примерно 9% ВВП Тайваня (см. таблицу 1). В 2023 году, несмотря на незначительное снижение доходов компании, ее доля в ВВП осталась весомой. Такой уровень вклада в экономику демонстрирует системообразующую роль TSMC в национальной финансовой структуре. Кроме того, компания остается одним из крупнейших налогоплательщиков, обеспечивая стабильные бюджетные поступления [20].

Таблица 1. Доля выручки TSMC в ВВП Тайваня

Год	Выручка TSMC (млрд USD)	ВВП Тайваня (млрд USD)	Доля выручки TSMC в ВВП (%)
2022	75,88	828,7	8,89%
2023	70,60	859,0	8,22%

Источник: составлено автором на основании [21].

Развитие TSMC стало возможным благодаря поддержке государства, стратегическому руководству и инвестициям в научные исследования. Под руководством Чжан Чжунмо компания сумела создать технологическую монополию, доминируя в самых передовых сегментах: от 16-нм до 3-нм техпроцессов. Уже в 2022 году TSMC освоила производство по 3-нм технологии, в то время как ее китайский конкурент SMIC только начал массовый выпуск 14-нм чипов.

Эта технологическая пропасть, усиленная эксклюзивными соглашениями с поставщиками оборудования – в частности, ASML (единственным производителем машин для EUV-литографии), – позволяет TSMC удерживать конкурентное превосходство. Компания регулярно получает заказы на самые технологически сложные чипы, включая А-серию и М-серию от Apple. Тем самым она укрепляет свое положение как в технологической, так и в экономической архитектуре планеты.

TSMC, являясь крупнейшим в мире контрактным производителем микросхем, стала не только экономическим, но и геополитическим активом. Практически весь мировой спрос на передовые чипы удовлетворяется с территории Тайваня. Это делает остров критически важным элементом в глобальной

технологической системе. США, Европейский союз и Япония все активнее взаимодействуют с TSMC, стараясь локализовать часть производства, что свидетельствует о возрастающей политической ценности компании.

Мировой дефицит чипов в 2020-2022 годах показал уязвимость международной экономики к сбоям в цепочках поставок, и одновременно – стратегическую силу Тайваня. TSMC превратилась в инструмент технологической дипломатии: остров не просто экспортирует продукцию, он экспортирует незаменимость.

Глобальные цепочки добавленной стоимости (GVCs) представляют собой многоуровневую структуру, связывающую добычу сырья, производство компонентов, сборку, дистрибуцию и сервис. В условиях цифровизации и автоматизации их значение только усиливается. Тайвань – ключевой узел этой сети, особенно в секторе высоких технологий.

Особую роль играет TSMC как крупнейший контрактный производитель полупроводников. Эта модель (foundry-only) позволяет компаниям типа Apple, Qualcomm и AMD не тратить средства на собственные фабрики, а сосредоточиться на проектировании. TSMC, в свою очередь, производит по заказу, обеспечивая высочайший уровень точности и передовые технологические процессы. Это превращает ее в центральное звено всей отрасли, а Тайвань – в критическую платформу для реализации цифровой трансформации мировой экономики.

Но не только TSMC определяет место Тайваня в GVCs. Компании вроде Foxconn и Pegatron обеспечивают сборку смартфонов и компьютеров для глобальных брендов. Тайвань также производит критически важные компоненты: материнские платы, модули памяти, экраны, датчики. В частности, его продукция используется в автомобилестроении, медицине, энергетике, оборонной промышленности и телекоммуникациях [23. Р. 12-16].

Эта плотная интеграция делает любое нарушение стабильности на Тайване серьезной угрозой глобальной экономике. Производственные сбои, вызванные политическим кризисом или природным катаклизмом, могут остановить производство автомобилей в Европе, выпуск телефонов в США или серверов в Китае.

Тайваньская логистика построена вокруг мощных морских и воздушных узлов. Порт Гаосюн – один из крупнейших в мире, а международный аэропорт Таоюань обрабатывает экспресс-грузы и высокотехнологичную продукцию. Именно через эти каналы полупроводники, произведенные на TSMC, попадают к своим конечным потребителям – от Nvidia и Apple до Boeing и Tesla.

TSMC и другие крупные производители выстраивают замкнутые логистические цепочки, включая склады, системы отслеживания, управление рисками и сотрудничество с глобальными операторами – DHL, UPS, FedEx. Тайвань стал примером эффективного сочетания производства и логистики. Это позволяет обеспечить режим поставок Just-in-Time, критически важный для высокотехнологичных отраслей.

Однако у этой инфраструктуры есть слабые места. Геополитическая нестабильность, особенно угроза со стороны КНР, остается главным риском. Любая

эскалация способна парализовать как поставки сырья, так и экспорт готовой продукции. Тайвань также уязвим к землетрясениям и тайфунам, что чревато временной остановкой портов и аэропортов.

Кроме того, логистика сосредоточена в нескольких крупных точках, что делает систему чувствительной к кибератакам, авариям и перегрузкам. Ограниченное число альтернативных маршрутов увеличивает вероятность системных сбоев. Даже при внутренней устойчивости Тайвань зависит от глобального ритма – перебои в поставках сырья, например, из Японии или США, могут остановить фабрики.

На фоне технологического лидерства Тайвань оказывается в центре глобального стратегического соперничества. Его политический статус остается неопределенным: остров де-факто независим, но не признан большинством стран мира, включая ООН, под давлением Пекина. Китай считает Тайвань своей неотъемлемой территорией и не исключает силовой интеграции, что является источником постоянной напряженности в Тайваньском проливе.

Эта неопределенность усиливает геополитическое значение Тайваня. Для США, Японии, ЕС и других игроков стабильность острова – это не только вопрос ценностей и прав человека, но и вопрос обеспечения технологического суверенитета. Производственные мощности TSMC и логистические маршруты острова являются основой национальной безопасности в ряде стран [24. Р. 28-33].

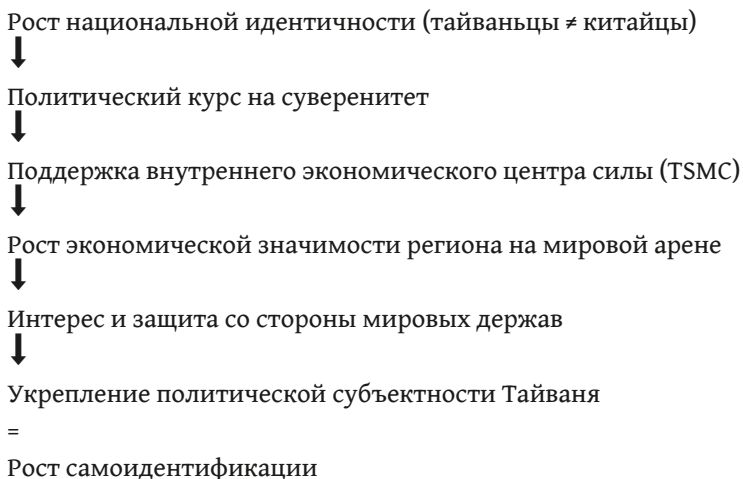
Таким образом, Тайвань стал объектом политической защиты со стороны Запада. США активно поддерживают Тайбэй не только военным присутствием в регионе, но и через экономические соглашения. Строительство заводов TSMC в Аризоне – это не только диверсификация производства, но и попытка снизить зависимость от нестабильного региона. Однако даже при частичном переносе мощностей Тайвань остается центром компетенций, специалистов и ключевых технологических узлов.

На первый взгляд может показаться, что у Тайваня мало рычагов влияния. Он не имеет статуса полноценного члена ООН, не обладает военным потенциалом сопоставимым с Китаем. Однако его экономическая и технологическая мощь делает его «стратегическим узлом», вокруг которого выстраивается новая архитектура глобальных интересов. Это так называемая «сила зависимости» – когда потребность мира в стабильности и производстве на острове обеспечивает ему политическую защиту [17].

TSMC в этом контексте становится не просто компанией, а системной основой национального выживания. Ее технологическое лидерство и налоговые поступления позволяют Тайваню сохранять автономию, инвестировать в оборону и научно-образовательную инфраструктуру, формируя базу устойчивости. Это создает уникальную синергию между экономикой и геополитикой, когда частный сектор выступает в роли гаранта стратегической безопасности.

Таким образом, в центре внимания статьи находится идея, что политическая и экономическая устойчивость Тайваня образуют неразрывный цикл взаимного усиления. С одной стороны, рост тайваньской политической идентичности

способствует электоральной поддержке курса на независимость, что требует усиления внутренней экономической базы. С другой стороны, экономическая мощь, сосредоточенная в сфере высоких технологий, делает Тайвань критически важным актором в мировой экономике, усиливая его политическую субъектность и вызывая международную поддержку. Эти процессы формируют уникальную модель геополитической устойчивости без юридического признания, в которой политическая воля и экономическая значимость оказываются тесно взаимосвязанными. Совокупный анализ политических и экономических факторов показывает, что геополитический статус Тайваня формируется не изолированно в одной сфере, а в результате их тесного взаимодействия. Политическая самоидентификация и курс на суверенитет опираются на экономическую мощь, а успехи в высокотехнологичном секторе, в свою очередь, усиливают международную поддержку и укрепляют внешнеполитическую субъектность. Таким образом, политическая и экономическая устойчивость Тайваня образуют взаимозависимый контур, в рамках которого каждая из сфер усиливает другую. Для наглядного представления этой взаимосвязи ниже приводится модель циклического взаимодействия ключевых факторов, определяющих геополитическую устойчивость острова.



Геополитический статус Тайваня представляет собой уникальное сочетание фактической субъектности и правовой неопределенности. Несмотря на отсутствие официального международного признания и постоянное давление со стороны Китайской Народной Республики, Тайвань сохраняет устойчивую внутреннюю структуру, развивает демократические институты и демонстрирует способность влиять на мировую повестку. Это стало возможно благодаря синергии двух ключевых факторов: трансформации политической идентичности населения и формированию высокоразвитой экономической модели, опирающейся на стратегическую значимость в глобальных цепочках поставок.

Политическая эволюция Тайваня, особенно в вопросах самоидентификации, демонстрирует отход от китайской культурно-исторической матрицы в сторону

формирования самостоятельного политического сообщества. Эта трансформация находит выражение в электоральных предпочтениях, поддержке партий, выступающих за сохранение де-факто независимости, и в укреплении национального самосознания. Параллельно экономическое развитие, в первую очередь доминирование компании TSMC в секторе передовых технологий, усиливает значение острова как глобального центра микроэлектроники. Тайвань становится незаменимым партнером для крупнейших держав, что трансформирует его экономическую мощь в элемент политической защиты.

Таким образом, Тайвань выстраивает модель геополитической устойчивости, основанной не на юридических гарантиях, а на внутренней консолидации и международной экономической вовлеченности. Политическая воля и технологическое превосходство формируют замкнутый цикл взаимного усиления, в котором рост идентичности подпитывает суверенитет, а экономическая значимость обеспечивает международное внимание и защиту. Этот пример показывает, что в современных условиях геополитическая субъектность может существовать даже при формальном отсутствии государственности, если она подкреплена сильной внутренней динамикой и глобальной востребованностью. Тайвань, таким образом, становится не только объектом конкуренции, но и активным актором новой мировой архитектуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алаудинов А.А.** Концепции и подходы ведения гибридных войн Китайской Народной Республики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
2. **Бирюков С.А.** Китай как конкурент США за лидерство в современной системе международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
3. **Быков Н.Р.** Геополитический статус государства: ключевые характеристики / Россия и регионы мира: контуры будущего: Сборник тезисов Международной научно-практической конференции., Москва, 27-29 марта 2024 года. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2024. EDN LZVKMW.
4. **Линь Мэнхань.** Влияние президентских выборов в США на глобальную ситуацию и отношения между крупными державами: на примере китайско-российских отношений // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 5.
5. **Медведев Н.П.** Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. № 8.
6. **Медведев Н.П.** К вопросу о внешнеполитической стратегии Китая: обзор актуальных исследований // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 1.

7. **Нгуен Тхи Хоанг Оань.** Перспективы сотрудничества России и АСЕАН в структуре Азиатско-Тихоокеанской региональной безопасности // Вопросы политологии. 2024. № 3.
8. **Семенов Н.С.** О геополитических аспектах реализации инициативы КНР «Один пояс, один путь» в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9.
9. **Телегин Д.С.** Архитектура военно-политического сдерживания Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2024. № 5.
10. **Чи Цинчжо, Калашникова Н.П.** Роль Конгресса во внешней политике США (кейс Тайваня в период президентства Барака Обамы) // Вопросы политологии. 2024. № 1.
11. **Штарк Л.П.** Технологический фактор американско-китайского геополитического противостояния // Вопросы политологии. 2024. № 7.
12. **Элимхаджиев Р.** Тайвань как фактор трансформации международных отношений США и КНР: теоретико-методологический аспект // Вопросы политологии. 2024. № 6.
13. **Элимхаджиев Р.** Информационное противоборство США и КНР по тайваньскому вопросу: стратегии, инструменты, эффективность // Вопросы политологии. 2025. № 4.
14. **Chris Horton.** 'Today, Hong Kong; Tomorrow, Taiwan:' Resistance to China Spreads. *Nikkei Asian Review*, 26 June 2019.
15. Election Study Center. Changes in the Unification / Independence Stances of Taiwanese as Tracked in Surveys by the Election Study Center, NCCU (1994-2019.06).
16. **Li Yitan and Enyu Zhang.** Changing Taiwanese Identity and Cross-Strait Relations: A Post 2016 Taiwan Presidential Election Analysis // *Journal of Chinese Political Science*. 2017. Vol. 22. No. 1.
17. **Lin S.S.** *Taiwan's China Dilemma*. Stanford: Stanford University Press, 2016.
18. Mainland Affairs Council. Summarized Results of the Public Opinion Survey on the 'Public's View on Current Cross-Strait Relations' (11-13 January 2019). Taipei: Mainland Affairs Council, 2019.
19. **Mazza M.** *Taiwanese Hard Power: Between a ROC and a Hard Place*. Washington, DC: AEI, 2014.
20. TSMC. Annual Report. 1994-2023. DOI: <https://investor.tsmc.com/static/annualReports/2020/english/index.html>.
21. World Economic Outlook database: April 2023. International Monetary Fund.
22. **Ying M., Zhang H., Li M.** The Rise of Taiwan Semiconductor Industry from the Growth of Taiwan Semiconductor Industry // *Special Zone Economy*. 2019. Vol. 6.
23. **Zhang R.** Zhang Zhongmou: 'Godfather of Semiconductor' // *Practice of Foreign Economic and Trade*. 2018. Vol. 6.
24. **Zhang R.** China's chip industry's weakness and strength // *Chinese & Foreign Corporate Culture*. 2018. Vol. 8.
25. 游盈隆. 2020年1月全國性民意調查摘要報告. Taipei: Taiwanese Public Opinion Foundation, 2020.

N.R. BYKOV

Postgraduate student,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

TAIWAN'S GEOPOLITICAL STATUS: THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICAL AND ECONOMIC FACTORS

The article analyzes the geopolitical status of Taiwan, a de facto independent entity with signs of statehood, but without formal international recognition. In this article, the author emphasizes the importance of two key factors: the transformation of the political identity of the population and the development of a high-tech economy represented by Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC). The conducted research – public opinion polls and analysis of economic indicators – show how the image of Taiwanese self-identification has been transformed. For example, the Taiwanese increasingly identify themselves as an independent nation, which is reflected in the support of parties advocating sovereignty. At the same time, TSMC enhances Taiwan's economic importance on the international stage, making the island critically important for global supply chains. Thus, the author emphasizes the interdependence of Taiwan's political and economic stability in the face of international uncertainty.

Key words: DPP, geopolitical status, TSMC, sovereignty, logistics, status quo, pressure, UN, supply chain.